

Когда Веньян выбрался из дома, огонь в груди не горел, он полыхал неистовым жаром. Казалось, будто сердце превратилось в вулкан и от него по венам бежала не кровь, а кипучая, сжигающая всё на своём пути, лава. Отголоски стойкого запаха мертвечины, мешаясь с запахом крови, вызвали почти неконтролируемую тошноту. Оперевшись о покосившийся дверной косяк, Веньян согнулся, выплёвывая под ноги тёмно-бордовый сгусток. Кровь, тягучая и горячая, походила на смолу, липкой плёнкой застывая на губах — Веньян утёр их разодранным рукавом и закашлялся. Горло жгло, а перед глазами ночь казалась ещё темнее, заволоченная туманом подступающей лихорадки. Он насилу выпрямился и, прикрыв глаза, прислушался к себе, к потокам своей внутренней силы — сгусток текучего золота запульсировал чуть ниже пупка и пришло облегчение, но Веньян знал — это ненадолго. Ему нужно было поспешить и вернуться домой.

Хо Чжин, придя в ужас от вида окровавленных, некогда белых одежд, суетился вокруг него, беспрестанно причитая.

— Ох, господин, — лепетал он, попытавшись поддержать Веньяна за плечи и тут же отпрянув, боясь ещё больше растревожить пульсирующую рваную рану, что продолжала сочиться тёмной кровью, в темноте кажущейся почти чёрной. — Нужно к лекарю. Мы небогаты на лекарства, но что-нибудь придумаем. Обязательно придумаем.

У Веньяна начинала болеть голова. Слюна во рту становилась вязкой и горькой как болотная тина. Он мягко положил ладонь на плечо мужчины, останавливая его метания.

— Хо Чжин, послушай меня, — на выдохе произнёс он, — всё хорошо, я не умираю. Твоя Минь-Минь, — Веньян сделал паузу, заметив, как Хо Чжин вздрогнул при упоминании его несчастной возлюбленной. — Иди и организуй ей достойные похороны. Но не вынимай гвоздь из её головы. А после сожгите дом, тёмная энергия этого места больше вас не потревожит.

Хо Чжин затравленно посмотрел в зияющую черноту дверного проёма. По щеке скатилась одинокая слеза и падающей звездой сорвалась с подбородка.

— Её душа, — зашептал он, едва дыша, — обрела покой?

Веньян украдкой сжал в рукаве маленький мешочек. Ему удалось собрать лишь жалкие осколки, хрупкие, почти прозрачные как крылья бабочки. Должно быть, душа Минь-Минь рассеялась в тот же миг, как жизнь навсегда покинула её. В глазах Хо Джина горел блёклый огонёк надежды, и Веньян отвернулся, ни в силах лгать, глядя в них.

— Обрела, — чуть дрогнувшим голосом ответил он, — её страдания окончены.

Хо Чжин всхлипнул, зажав рот ладонью. Он более не мог сдерживать слёз.

Веньян почувствовал лёгкий холод в ногах и это значило, что ему нужно торопиться. Яд уже добрался до его сердца и оно замедлялось. Веньян ещё раз направил к нему потоки жидкого

золота и развернулся, намереваясь уйти.

— Господин! — Обернувшись на оклик, Веньян растерялся. Хо Чжин, стоя на коленях, низко кланялся ему в благодарность. — Вы точно будете в порядке?

В тот момент Веньян не был в этом уверен. Но видя искреннее беспокойство в глазах абсолютного незнакомца; беспокойство, к которому он совершенно не привык; Веньян улыбнулся.

— Конечно. Я буду.

Трупный яд для заклинателя мелочь. Так всегда говорил Ху Шень, обучая и наставляя его. Так и должно было быть. Но Веньян был юн, его золотое ядро ещё не успело до конца окрепнуть и не было готово к таким потрясениям. Оно отчаянно билось раненой птицей, дрожало кленовым листом под порывами шквального ветра и замирало каплей янтарной смолы в шершавой древесной коре. Снова. И Снова.

У Веньяна зудело под кожей так нестерпимо, что хотелось вонзить в неё ногти и драть до тех пор, пока не покажутся мышцы. А затем ещё и ещё. До обнажившихся белых костей. И ещё, пока и они не сотрутся в пыль. Внутри него текла раскалённая лава, но снаружи он словно ступал босиком по тысячелетнему льду.

Тук-тук-тук

Ноги немели, не слушались, спотыкались об единственный камень на всю округу. Сердцу в груди было тесно, оно металось, рвалось на свободу, выплёвывая, исторгая из себя чёрную, вязкую скверну, но она возвращалась и с каждым разом была всё злее, вознамерившись поселиться в нём навсегда.

Тук-тук

Страх узловатыми, костлявыми пальцами сжал горло и хрип, вырвавшись из него, походил на вороний крик. Язык, распухший и неповоротливый, прилип к нёбу так, что ни вдохнуть, ни выдохнуть. Чёрные трупные мухи летали перед глазами роем, что и дороги не разглядеть. Но Веньян упрямо шёл, отмахиваясь от них, стиснув зубы так сильно, что занемела челюсть.

Тук

Сердце вдруг стало таким тяжёлым. словно камень, оно рухнуло, сокрушённое в битве с обжигающей злобой и ненавистью. И вместе с ним рухнул и Веньян, коленями в выжженную, бесплодную землю. Редкая сухая трава острыми иглами вонзилась в плоть сквозь ткань

грязных одежд. Было темно и Веньян не знал, закрыты ли его глаза или же зрение совсем замутилось.

— Веньян..!

Голос, зовущий его, совсем рядом и так бесконечно далеко. Он поднял голову, сиюсь разглядеть хоть что-то.

Ху Шень в своих потрёпанных серых одеждах стоял среди гладких, глянцевых под светом звёзд, бамбуковых стволов. До барьера оставалось не больше жалких полшага. И Веньян смотрел на него, высокого, широкоплечего; и он будто снова вернулся в тот день — одинокий ребёнок не в силах протянуть руку к единственному близкому человеку во всём огромном, неизведанном мире.

— Веньян, я не смогу помочь, если ты не войдёшь.

Глаза — тлеющие угли, обволакивающий дым костра — Веньян протянул к ним руку, но наткнулся лишь на холод бамбуковой древесины. Барьер задрожал или дрожал сам Веньян — он не знал. Деревянный меч, послужив надёжной опорой, помог выбраться из пучины удушающего забвения.

Руки Ху Шеня такие же мозолистые и одежды такие же грубые. Веньян снова цеплялся за них, но он больше не был потерянным ребёнком — он вернулся домой.

Придя в себя, Веньян упёрся взглядом в хорошо знакомый деревянный потолок. В груди болело, но дышалось немного легче — вокруг витали запахи лекарственных трав и специй позднего ужина. Голова раскалывалась и прохладный бамбуковый валик под ней ощущался жёстким словно камень. Прислушавшись к себе, он ощутил плеск внутренней энергии — она была беспокойна, металась диким зверем, запертым в клетке — её было много, слишком много после всего случившегося. Яркая, резкая и бушующая словно ледяная колкая вьюга, она не принадлежала ему и заставляла сердце стучать так неистово, что приходилось часто дышать, глотая воздух мелко, по капле.

Заскрипели половицы и в комнату вошёл Ху Шень с потёртым деревянным подносом, на котором мерно дымилась небольшая пиала из чёрной глины. Внешне он выглядел абсолютно спокойно и непоколебимо как сама гора, приютившая их, но энергия внутри Веньяна бесновалась. Ху Шень для него всегда был опорой, надёжной стеной — сложно было осознать, насколько внутри он оказался шаток. Веньян поджал губы и попытался сесть. На груди не оказалось бинтов, лишь тёмная густая травяная масса, застывшая поверх раны уродливой коркой.

— Как вы оказались у барьера? — Спросил он, не без труда приняв полусидячее положение.

Ху Шень поставил поднос на пол по правую руку от Веньяна, аккуратно, словно пиала на нём была хрупкой драгоценностью. Он присел рядом, заглядывая не в глаза, а прямо в душу.

— Было беспокойно. Духи были сильнее обычного и всё стремились в рощу, как будто вели меня за собой. Оказалось не зря.

Веньян вскинул голову. За окном едва брезжил рассвет, розовобокое солнце выкатывалось из-за горизонта наливным спелым яблоком. Это время суток всегда казалось Веньяну волшебным. Обычно в это время ещё можно было услышать особенно отчаянную нечисть, но сейчас...

— Так тихо.

Ху Шень вздохнул. Взгляд его блуждал от плывущих в тумане очертаний горы, вершина которой тонула в молочных пенистых облаках, до растрёпанных, спутанных грязью и колтунами волос Веньяна. Наконец, он остановился на чёрной глиняной пиале. И было в этом взгляде что-то такое, что заставило сердце Веньяна замереть и сжаться — невыносимая тоска, что не выразить ни шёпотом, ни криком.

— Я должен это выпить? — Спросил Веньян, потянувшись к пиале. Напиток на вид напоминал чай, на дне кружились не то листочки, не то травинки, тонкие и стройные как молодая осока. Пар таял в воздухе причудливыми завитками и аромат поднимался чарующий — пахло молодым фруктовым вином. И даже не испробовав, Веньян уже мог сказать, что напиток будет сладким.

Руки Веньяна дрожали от пережитого и вода в пиале подёрнулась мелкой рябью. Ху Шень поддержал её ладонью за дно, касаясь кожей чужих пальцев, и это прикосновение заставило Веньяна вздрогнуть. Глаза напротив, дымные и печальные, снова мазнули по силуэту горы за окном.

— Это сян-цао[1], — тихо ответил Ху Шень, — последняя, что у меня осталась. Она растёт на вершине горы. Я не поднимался туда с тех пор, как похоронил его там.

Его

Чарующая сладость отчего-то отозвалась невыносимой горечью. Веньян сглотнул вязкую слюну. Он знал об источнике на вершине горы — Ху Шень рассказывал о невероятной красоте и блеске молочно-белого нефрита, из которого ключом била вода, чистая и звонкая как хрусталь; о шелестящей траве, ковром покрывающей всё плато, что цвела мелкими белыми цветами, разнося по округе сладкий, дурмящий аромат. Веньян мечтал увидеть всё это своими глазами и Ху Шень обещал ему показать. Но годы шли, а Ху Шень не выполнял обещания. Теперь Веньян осознал, почему.

— Она укрепит твоё золотое ядро, — снова заговорил Ху Шень, — пей.

И Веньян пил. И хотя на языке было сладко, на сердце — невыносимо горько.

Когда пустая пиала с глухим стуком опустилась на поднос, Ху Шень, всё это время замерший взглядом на подёрнутой облаками вершине горы, словно вышел из оцепенения.

Веньян поймал его за широкий рукав всё ещё слабыми пальцами.

— Расскажите мне о нём, — шёпотом попросил он, скрывая глаза за трепетом ресниц.

О нём.

Об источнике ли?

О Фэн Хуане.

Комментарии и примечания:

[1] Сянь-цао — «трава бессмертных» — мифическая трава, которая росла на вершине горы Инчжоу. она давала людям долголетие и вечную молодость.

[2] источник Юйлицюань — нефритовый источник сладкого вина — на той же горе.

вообще я отсылаю вот к этому:

В трактате «Ле-цзы» рассказывается, что в бездне Гуйсюй некогда плавали пять гор: Дайсюй, Юаньцзяо, Фанчжан, Инчжоу и Пэнлай. Окружность каждой из них — 30 тысяч ли, плато на вершине — 9 тысяч ли, горы отстоят друг от друга на 70 тысяч ли. Все строения там из золота и нефрита, все звери и птицы белого (то есть священного) цвета, деревья, на которых зреют жемчуг и белые драгоценные камни, растут кущами, плоды имеют удивительный аромат. Тот, кому довелось их отведать, не старел и не умирал. На островах жили бессмертные. согласно мифологии горы находились где-то в восточном море, но в данном тексте они выступают неким прототипом и, соответственно, располагаю я их как душе угодно)

<http://bllate.org/book/14934/1323647>